

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФАНТАСТИКИ
В “НОЧИ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ” Н.В.ГОГОЛЯ
И “ОНУФРИУСЕ” ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ.**

“Вечера на хуторе близ Диканьки” Н.В.Гоголя и “Онуфриус” Теофиля Готье относятся к периоду зрелого романтизма как в русской литературе, так и во французской. Они были написаны одновременно – в 1831-1832 гг. Это позволяет сосредоточить внимание на отдельных типологических признаках романтического произведения, проявившихся у обоих авторов. Одним из таких признаков является мотив столкновения человека с дьяволом, позволяющий судить об авторской концепции действительности. В связи с этим Е.М.Мелетинский писал: “Мифологическая или квазимифологическая фантастика помогает романтикам создать атмосферу таинственного, причудливого, чудесного, трансцендентного и противопоставить ее жизненной реальности ... как область демонических влияний, исподволь определяющих судьбы людей, как борьбу светлых и темных сил, стоящих за видимыми жизненными коллизиями” [1, 286].

Н.В.Гоголя и Теофиля Готье объединяет восприятие реального мира как настолько опасного для человека, что встреча с дьяволом, сила которого чуть ли не уравнивается с Божественной, заканчивается раздвоением его личности, потерей рассудка или даже гибелью. Герои рассмотренных нами произведений в какой-то момент обнаруживают, что часть их собственного “я” оказалась отчужденной от них. Главная причина подобного заключается в неблагоприятии мира, в котором человек, подчинившись чуждым его естественной природе устремлениям, переживает расщепление личности. “Если прежде человек был целен или в добре, или во зле, – писал Ф.П.Федоров, сравнивая произведения ранних немецких романтиков и Э.Т.А.Гофмана, – то теперь он оказывается ареной борьбы взаимоисключающих субстанций” [2, 338].

В то же время между произведениями близкими, поскольку структурообразующим в них является мотив раздвоения личности героя как результата встречи с дьяволом, наблюдается и существенная разница. Сравним “Ночь перед Рождеством” Н.В.Гоголя и “Онуфриус” Теофиля Готье с точки зрения выраженной в них кон-

цепции фантастического. В обоих произведениях идет речь о том, как герой, изобразивший inferнальное существо оскорбительным для того образом, подвергается преследованиям с его стороны.

Действие в рассказе Н.В.Гоголя происходит в рождество. Это самое начало святок – двенадцатидневья, завершающегося праздником Богоявления. Как пишет Н.В.Поньрко, праздник рождества “был воплощением идеи двумирности. Бог сошел на землю, “преклонив небеса”. Пафос празднования заключается в том, что соединилось божеское и человеческое. ... Христос, придя на землю, встал как бы ... посреди жизни и смерти” [3, 154-155]. Таким образом, если учитывать, что, с точки зрения мифологического восприятия, время циклично (человечество вечно возвращается к определенному событию правремени), речь идет о возвращении к исходному состоянию не-бытия, Хаоса и борьбе за превращение его в Космос, о движении от смерти к жизни. Что касается человека, то он тоже переживает обновление – умирает в прежнем, грешном своем состоянии и рождается обновленным для новой жизни. Герой становится участником космогонического мифа и в связи с этим должен пройти инициацию.

В “Ночи перед Рождеством” космогонический миф присутствует и непосредственно (черт и ведьма крадут звезды и месяц, лишая мир света и возвращая его к первоначальному состоянию Не-бытия) и опосредованно – через мотив женитьбы, которая всегда мифологически мыслящим коллективом воспринимается как сражение, в результате которого жизнь должна победить смерть, не-существование. Знаков смерти несколько. К ним, в частности, относится имитация путешествия героя, отвергнутого возлюбленной, в хтоническое пространство: Вакула решает броситься в прорубь. Кроме того, отказавшись от мысли о физической смерти, герой думает об убийстве своей христианской души, решившись вступить в сговор с дьяволом. Затем Вакула оказывается вне обжитого пространства в окружении того, что представляет загробный мир – колдуна, метлы ведьмы, черта. Причем, здесь он представлен в промежуточном состоянии – он уже обрел цельность, его христианская душа оказалась сильнее искушения попросить о помощи черта и потому ему удалось одолеть того, превратив в своего помощника, но пока еще он не прошел полного очищения. И, наконец, получив черевички, герой возвращается в привычное для него пространство украинского хутора, завершает изображение черта, полностью посрамив его, и отмаливает грех. Немаловажным здесь является и то, что героем этого мифа о победе жизни над смертью является кузнец, которому изначально приписывались магические способности.

Фантастика в “Ночи...” приобретает решающее значение, сближая ее со сказкой. Размышляя о соотношении реальности и мифа в художественном произведении, А.А.Слюсарь обратил внимание на две тенденции. Одна из них заключается в том, что фантастические персонажи и ситуации могут выступать такими же объективными, как и отображенная в произведении действительность. В случае, когда эта тенденция доводится до конца, происходит отход от жанровой специфики фантастического произведения, оно оказывается за границей собственно эпических жанров и превращается в сказку [4, 70]. Цветан Тодоров отнес подобные произведения к категории, в которой представлено чудесное в чистом виде. “В произведениях жанра чудесного сверхъестественные элементы не вызывают никакой особой реакции ни со стороны героев, ни со стороны имплицитного читателя”, – писал он о сказке [5, 40]. Как отмечал А.А.Слюсарь, в “Ночи перед Рождеством” присутствует сразу два сказочных мотива – вредительства и недостатки, что “усложняет ее структуру”. “Вредителем является черт, мстящий Вакуле за икону, на которой тот изобразил посрамление “злого духа”. Но действует он невпопад, поэтому добивается каждый раз противоположных результатов, представая карнавальной фигурой “народной комик”. Главная же беда кузнеца – равнодушие самовлюбленной красавицы Оксаны. Герою, таким образом, недостает любви, а его возлюбленной – царских черевичек. Устранение этой двойной “недостачи” выступает как мотив свадебного испытания” [6, 95].

Начинается “Ночь перед Рождеством” мотивом вредительства. Читатель узнает, чего не может простить кузнецу черт и почему он ворует месяц: “в той надежде, что старый Чуб ленив и не легок на подъем... А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу” [7, т.1, 156]. Дальнейшее развитие этого мотива представлено в третьей части, где появляется новый вредитель. Им оказывается мать Вакулы, желавшая присоединить богатство Чуба к своему: “А чтобы каким-нибудь образом сын ее Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе... она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом” [7, т.1, 164]. В четвертой части развитие мотива вредительства приводит к обратному целям “нечистой силы” результату: Чуб, как и ожидал черт, решил вернуться домой, но, во-первых, не был точно уверен, где он находится, а, во-вторых, был изгнан из собственного дома не узнавшим его Вакулой.

Мотив недостачи впервые возникает во второй части и развивается в пятой. Наконец к концу шестой части оба сказочных сюжетных мотива соединяются и дальше развиваются, слившись в целое.

Интересно, что именно так – как сказка – и воспринимается “Ночь перед Рождеством” и ряд других рассказов из цикла Н.В.Гоголя. В статье Дамиано Ребеккини мы нашли материал, помогающий понять, какова была реакция на фантастическое у крестьян, которые впервые познакомились с гоголевскими произведениями. Это произошло, когда, в связи с реформой школьного образования в 1864 г., для ускорения процесса распространения грамотности в деревне было увеличено количество лубочных изданий, содержавших упрощенное изложение художественных произведений. Для нас этот материал был интересен прежде всего в связи с тем, что именно народ дольше всего сохраняет мифологическое мировосприятие и склонен верить в реальность сверхъестественного.

После того, как крестьянам прочитали “Вия”, пишет Д.Ребеккини, некоторые попытались дать рациональное объяснение тому, что случилось с Хомой Брутом: “Может быть, это ему во сне видится?”. Другие были склонны согласиться с возможностью вмешательства инфернального: “Вероятно, они существуют, когда их описывают”, “В старину было...”. Дело в том, что фантастика в “Вие” имеет “явный” характер, поэтому исключить реальность столкновения Хомя Брута с ведьмой невозможно.

Когда же вниманию крестьян были предложены “Ночь перед рождеством” и “Пропавшая грамота”, то они даже не пытались соотнести описанные в них таинственные события со своим опытом, не испытывали суеверного страха и сопровождали чтение хохотом “до слез”. Даже “Вечер накануне Ивана Купала” и “Страшную месть”, которые не ориентированы на сказку, они восприняли как выдумку, поскольку рассказчиком в них вновь оказался дьячок Фома Григорьевич. В начале чтения “Закладованного места” один из слушателей воскликнул: “Опять дьячок – вранье!”. Д.Ребеккини пришел к выводу, что “сказочный” характер повествования с характерным для него комизмом, явным гиперболизмом при описании “нечистой силы” подчеркивает “нереальность происходящего и препятствует отождествлению читателя с персонажами” [8, 515].

В “Онуфриусе” же Теофиля Готье фантастика “завуалирована” (согласно терминологии Ю.В.Манна) и происходящее может быть мотивировано как вмешательством дьявола, так и тем, что таинственное дано в восприятии сходящего с ума художника, находяще-

гося в состоянии, близком сну. Кроме того, Онуфриус считался фантастических сочинений и был уверен в непременной встрече со сверхъестественным. “Когда Онуфриус оставался один в своей огромной мастерской, – сообщает повествователь об этом почитателе книг Э.Т.А.Гофмана, – вокруг него начинал кружиться фантастический хоровод: советник Тусман, доктор Табраккио, благородный Перегринус Тис, Креспель со своей скрипкой и с дочкой Антонией, незнакомец из заброшенного дома и все загадочное семейство из богемского замка – это был совершеннейший шабаш. Стоит ли говорить, что и кота своего он тоже боялся, почитая за второго Мурра” [9, 384]. Стараясь объяснить себе причину всех неприятностей, случившихся с ним за день, он вспоминает, в первую очередь, обо всех известных ему из книг случаях одержимости и колдовства.

В новелле форма повествования объективная, но часто повествователь или же незаметно, или же открыто переходит на точку зрения героя. Поскольку же читатель оказывается в мире, наиболее приближенном к его собственному, а не в предельно условной ситуации сказочного действия, в новелле выражена установка на необходимость определить концепцию фантастического, мотивировать происходящее с героем.

Вначале мы видим Онуфриуса “со стороны”: впервые – глазами Джачинты, негодующей из-за его опоздания, а затем – повествователя. Лишь краткие замечания позволяют понять, что происходит в душе художника, в тех случаях, когда повествователь незаметно переходит на точку зрения своего героя. Но постепенно повествователь все глубже проникает в психологию Онуфриуса, и читателю открывается мир воображения самого художника. Так, например, течение времени в тот вечер, когда Онуфриус опаздывал в дом господина де *** и испытывал при этом досаду и бессилие передано именно в его восприятии: “Колокольни наклонялись над тропинкой, по которой он шел, глаза, показывали на него пальцем, насмехались над ним, с издевкой протягивали свои циферблаты, стрелки которых составляли прямую линию. Колокола показывали ему язык, гримасничали над ним, поминутно вызванивая число шесть. Это продолжалось долго: в тот день шесть часов били, пока не наступило семь” [9, 386]. Глазами Онуфриуса дана и сцена игры. Поэтому читателю, в отличие от противника героя, ясно, кого имел в виду проигравший художник, восклицая: “Ах, мерзавец, старый злодей!”. Углы зрения на происходящее повествователя и

героя совпадают и в дальнейшем, когда бесконечность пути героя к дому объясняется действиями “четырёх мерзких существ в черно-красных одеяниях”, которыми, как видел Онуфриус, управлял дьявол. Все это позволяет говорить о явной фантастике. Не может читатель сомневаться в реальности существования дьявола и далее – в описании сна Онуфриуса о собственной смерти, а также в следующей за его пробуждением сцене, когда он следит за выходящим из зеркала как окна в “пустое пространство” существом и с ужасом обнаруживает, что тот крадет образы, рожденные его воображением.

В новелле Готье фантастика имеет завуалированный характер. Однако, если в первой части преобладает возможность реального объяснения таинственного как результата “болезненного воображения” героя, то во второй – мы все больше убеждаемся в том, что границы между двумя мирами настолько проницаемы, что человек очень часто и на самом деле оказывается игрушкой в руках дьявола, доводящего его до безумия и смерти. То есть фантастика все больше приобретает явный характер.

Различие концепции фантастического и его роли в судьбе героев у Гоголя и Готье можно объяснить целым рядом факторов. Во-первых, писатели опирались на разные традиции. Применительно к “Вечерам на хуторе близ Диканьки” мы должны назвать в качестве источников, в первую очередь, фольклорный пласт народной прозы, а также богатую житийную литературу.

На связь “Ночи..” с фольклорной и древнерусской литературной традицией обратили внимание многие исследователи. Ф.Т.Евсеев, соотнес ее с восточнославянской сказкой “Работать до козлят”, писал: “Хронотопические основания, развитие действия и образность повести “Ночь перед Рождеством”, включенные Н.В.Гоголем в систему фундаментальных традиционных ценностей ... корреспондируя с поэтикой сказки, через ее посредство соотносятся с древнейшими мифологическими представлениями” [10, 18]. Рассматривая мотив одоления черта у Н.В.Гоголя, Ю.В.Манн обратился к житийной и аскетической литературе. Ученый соотнес путешествие Вакулы в Петербург с описанием поездки святого Антония на черте и Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим. “Непосредственно могла повлиять на Гоголя и “Вирша, говоренная гетьману Потемкину запорожцами на светлый праздник “воскресения”, где одоление нечистой силы также происходит с помощью креста”, – писал Ю.В.Манн [11, 24-25]. Е.В.Душечкина установила связь это-

го произведения Н.В.Гоголя с древнерусскими легендами посредством соотнесения его со святочным рассказом. При этом исследовательница обратилась к анализу этнографических примет сочельника, присутствующих в “Ночи перед Рождеством”, обратила внимание на размытость границ между всеми явлениями мира как характерную черту “страшного” святочного рассказа, а также на мотив победы человека над чертом, восходящий, с точки зрения исследовательницы, “к ряду древнерусских легенд” и встречающийся и в других святочных рассказах [12, 22].

Сам Н.В.Гоголь в “Выбранных местах из переписки с друзьями”, характеризуя состояние русской литературы начала девятнадцатого века, писал о ее постепенном освобождении от “поверхностной светской верхушки” и усвоении ею нового направления, состоящего в возвращении к “младенческому лепету, которым подает о себе весть бессмертный дух человека, требующий себе живой пищи”. В этом русская литература оказалась чрезвычайно близкой немецкой, предметом которой стали “неясные грезы, таинственные предания, необъяснимые чудесные происшествя, темные призраки невидимого мира, мечты и страхи, сопровождающие детство человека”. Русским писателям это стало близким, поскольку “собственные славянские начала напомнили ... о чем-то похожем”. Сближение же произошло благодаря творчеству В.А.Жуковского. Но обратим внимание, что по этому поводу пишет Н.В.Гоголь: “...мы сами никак бы не столкнулись с немцами, если бы не явился среди нас такой поэт, который показал нам весь этот новый, необыкновенный мир сквозь ясное стекло своей собственной природы, нам более доступной, чем немецкая” [7, т.VII, 348]. Таким образом, на первый план выдвигается не заимствование, но возвращение литературы к национальному, более понятному и близкому, хотя и обусловленному, в значительной степени, вниманием к тому, что происходило в немецкой литературе.

Именно народное представление о возможности победы над чертом и проявилось в “Ночи перед Рождеством”. Что же касается Готье, то у него это столкновение с inferнальным существом завершается поражением героя, что, в значительной степени было обусловлено ориентацией писателя на литературную традицию, в первую очередь, – прозу Э.Т.А.Гофмана [13, 50], передававшего трагизм человека во враждебном ему мире. Это, в частности, нашло фантастически гиперболизированное выражение в мотиве вмешательства в жизнь человека дьявола.

С другой стороны, необходимо учитывать и особенности характера героев. Ю.В.Мани обратил внимание на противоречивость финала “Ночи..”: “ ... в каком бы комическом или неприглядном свете ни предстал “враг человеческого рода”, только вмешательство противоположно направленной высшей силы способно оказать ему достаточное противодействие” [11, 25-26]. Потому и стало обязательным условием спасения Вакулы восстановление им нравственной силы и возвращение тем самым душевной цельности. Единственным персонажем, погибающим в результате договора с дьяволом, в цикле Н.В.Гоголя является испытывающий внутренний разлад Петро Безродный из “Вечера накануне Ивана Купала”. Что же касается цельной натуры, то, пойдя против себя самой, она на время оказывается связанной с нечистью, но в кульминационный момент цельность одерживает верх. В значительной степени это оказывается для нее возможным, благодаря тому, что изображается не отделившаяся от коллектива индивидуальность, но во многом “родовое” существо, сохраняющее связь если не со всем коллективом (Гоголь- романтик представляет национальный мир как уже расколовшийся), то с его значительной частью. Вакула уже отделен от запорожцев, сосредоточенных на героическом, поскольку ему нужно бытовое – черевички. Но разлада, отчуждения пока нет. Кроме того, о Вакуле можно сказать как о частице единства, составляемого парубками и дивчатами. Таким образом, он еще внутри мира, не осознает и не ощущает самоизолированности.

Онуфриус таким “родовым” существом уже не является. Это творческая индивидуальность, проявляющая осознанность как в отношениях с миром, так и с собой. В своем поведении он не опирается на традиции среды. Ему гораздо легче прибегнуть к опыту героев его любимых писателей. Именно так он поступает, вспоминая Эрама Спикхера, лишившегося своего отражения, и Петера Шлемиля, оставшегося без тени. Судьбы этих героев Э.Т.А.Гофмана и А.Шамиссо, переживших отчуждение частицы собственного “я” как результата договора с inferнальным, напоминают ему то, что произошло с ним самим. Разорвав все связи с миром, Онуфриус все больше оказывается наедине со своими мыслями о дьяволе. Все завершается его безумием.

Если обратиться к типологии персонажей в романтическом произведении, то Онуфриус, безусловно, должен быть отнесен к типу исключительной личности, устремленной к идеалу и находящейся в абсолютном разладе с миром. Таким образом, его одиночество

задано самим характером восприятия им действительности. Что же касается цикла Н.В.Гоголя “Вечера на хуторе близ Диканьки”, то мироощущение исключительной личности в нем присуще только лишь рассказчику. Вакула, как и многие другие герои повестей, входящих в этот цикл, сознания разлада с миром лишен. Ему во многом близки черты идеального, с точки зрения Н.В.Гоголя, типа личности, сохраняющего непосредственность, цельность и ощущение единства с целым. Отсюда и различие как в развитии судьбы героев рассмотренных нами произведений, так и в концепции фантастического, происходящего с ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М., 1976.
2. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. – Рига, 1988.
3. Поньрко Н. В. Святочный и масленичный смех // Лихачев Д.С., Панченко А. М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984. – С.154-175.
4. Слюсар А. О. Фантастична повість в українській літературі 30-х років ХІХ ст. // Розвиток жанрів в українській літературі ХІХ-початку ХХ ст. – К., 1986. – С.67-88.
5. Годоров Ц. Введение в фантастическую литературу. – М., 1997.
6. Слюсарь А. А. О сюжетных мотивах в “Повестях Белкина” А.С.Пушкина и “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Н.В.Гоголя // Вопросы русской литературы. Респ.межвед.научн.сб. – Львов,1982. – Вып.2. – С.93 – 101.
7. Гоголь Н. В. Собр.соч.: В 8 т. – М., 1984.
8. Ребеккини Д. Как крестьяне читали Гоголя. Попытка реконструкции рецепции // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 3. – С.508-525.
9. Готье Т. Онуфриус // Французская готическая проза XVIII-XIX веков. – М., 1999. – С.379-400.
10. Евсеев Ф. Т. Поэтика “Ночи перед Рождеством” Н.В.Гоголя в ее отношении к народной сказке // Наследие Н.В.Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч.1. – С.18-19.
11. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. – М., 1988.
12. Душечкина Е. В. “Ночь перед рождеством” и традиция русского святочного рассказа // Наследие Н.В.Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч.1. – С. 21-22.
13. Золотых И. Г. Теофиль Готье – новеллист // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Сб.научн.трудов. – М., 1981. – Вып.6. – С. 49-61.